

OVERWATCH®

ВАЛЬКИРИЯ

АВТОР: MICHAEL CHU

ВАЛЬКИРИЯ

СЮЖЕТ
MICHAEL CHU

ИЛЛЮСТРАЦИИ
NESSKAIN

ДИЗАЙН ОБЛИКА «ДОКТОР ЦИГЛЕР» ДЛЯ АНГЕЛА
ARNOLD TSANG

МОДЕЛЬ «ДОКТОР ЦИГЛЕР» ДЛЯ АНГЕЛА
HONG-SHAN LIM

ОРИГИНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ АНГЕЛА
NAI PHAN

ВЕРСТКА И ДИЗАЙН
BENJAMIN SCANLON

ПЕРЕВОД
КСЕНИЯ КАНАРЕЙКИНА
АЛИЯ РОСЛОВА

ВАЛЬКИРИЯ

Как бы мне хотелось вспомнить, что мама сказала мне на прощание в тот далекий день. Утро было промозглым и серым, все обволакивал густой туман, подобный тому, что сейчас окутывает мои воспоминания. Тогда я в последний раз видела родителей живыми. Они были волонтерами в швейцарской больнице в начале Восстания машин, когда омники нанесли массированный удар по Европе. Мама и папа погибли во время бомбежки. Мы не допускаем мысли, что наши близкие могут просто взять и исчезнуть, и не готовы попрощаться, когда это все-таки происходит. Мне говорили, что со временем боль утихнет, но даже сейчас она возвращается с новой силой, стоит чему-то разворошить воспоминания.

Вот как сегодня, в лагере первой помощи на окраине Каира. Каждый день здесь проходит в невыносимом напряжении. Последние два года я в основном провела в Египте, но успела попутешествовать с тех пор, как оставила пост главы отдела медицинских разработок Overwatch. После такого удара по репутации мне нужны были перемены. Польша, Южная Корея, Венесуэла — я странствовала по местам, где меня звали «доктор Ангела Циглер», а не «Ангел». Проекты, которым я посвятила почти десять лет жизни, списали в утиль, распродали либо просто отобрали. Мои немногочисленные друзья из Overwatch разбрелись по свету.

Насколько мне известно, Лена продолжает помогать людям, несмотря на риск и последствия прошлого. Райнхардт путешествует по Европе, таская за собой бедняжку Бригитту, а Соджорн прячется где-то в Канаде. Гэндзи, как всегда, не сидит без дела: я слышала, что он направился домой на поиски брата. Торбьорн, мудрейший из нас, после отставки вернулся в Гётеборг к Ингрид. Но я натыкаюсь на следы Overwatch везде, куда бы ни направилась, и мне стыдно, что после распада организации мы оставили столько нерешенных проблем. Именно поэтому я переехала в Египет: Overwatch стал причиной многих бед этой страны, и я должна была помочь исправить положение. Правда, местные не были мне рады. «Уходите, — твердили они. — Вы причинили нам достаточно страданий».

Вот только в трудные времена люди все равно ждут, что мы придем на помощь, хоть и проклинают нас при этом. Но я стала врачом не ради их благодарности.

Для покойника Джек Моррисон выглядел неплохо. Смерть не стерла упрямого выражения с его лица, да и взгляд Джека был по-прежнему чист и невинен, как у персонажей с картин Нормана Роквелла, — сходство с ними не портили даже шрамы. Впрочем, было очевидно, что самые глубокие шрамы иссекли его душу, и загноившаяся рана на спине — пустяк по сравнению с ними. Именно это свежее ранение привело его в мою полупустую квартиру у базара Хан эль-Халили. Ничего о

том, где и как он его получил, вытянуть из Моррисона не удалось.

Типичный трудный пациент, как и всегда.

— Если что его и убьет, так только собственное упрямство, — раздался голос с кухни.

Голос принадлежал Ане Амари, по-хозяйски рывшейся в шкафчиках в поисках чая. Похоже, не только Моррисон чудесным образом воскрес: все мы считали, что Ану убил снайпер в Польше, и все же она объявилась на моей кухне. Ана исхудала, выглядела постаревшей, даже немного хрупкой — глядя на нее, я впервые подумала, что и она тоже смертна. Ее военная выправка и величественная осанка никуда не делись, но эти черты словно бы сгладились. От образа Аны исходила новая, незнакомая мне прежде мягкость.

— Попробую провести пару анализов, но здесь нет нужного оборудования, — отозвалась я, обрабатывая спину Джека заживляющим спреем-анестетиком. — У нас лагерь первой помощи, а не генетическая лаборатория.

— Время поджимает, — сухо ответил Моррисон. — Просто дай мне пару аптек, обойдусь ими.

— Посмотрю, что у меня есть.

Я задумалась о трех биотических гранатах Джека и дротиках в патронташе Амари. Они украдены из Overwatch, а дротики и вовсе созданы с использованием моей технологии, но без моего одобрения. Очередной пример того, как работа в Overwatch привела не к тому, на что я рассчитывала. Собственное раздражение удивило меня: надо бы радоваться, что Джек и Ана живы... но их присутствие слишком назойливо напоминало о том, от чего я пыталась сбежать. Между мной и всем, что принесли с собой эти двое, была непробиваемая стена.

Я принялась копаться в ящиках с припасами: в основном там были мотки бинтов, запечатанные пузырьки с антибиотиками и медицинские инструменты. Моррисону все это вряд ли помогло бы. Overwatch оставил в моей жизни столь глубокий след, что даже через много лет после роспуска об организации напоминало все вокруг: от разваливающейся

инфраструктуры Египта до обыкновенных бинтов в голубой упаковке. Забыть об Overwatch... Это была, мягко говоря, оптимистичная цель.

Джек тоже начал рыться в ящиках, кое-что откладывая в сторону.

— Чем занимаешься, Ангела?

— Аптечки ищу, как ты и просил, — отозвалась я.

— Я не об этом, — он задумчиво вертел в руках исключительно дорогой медицинский сканер. — Чем занимаешься в Каире вообще?

— Это хрупкий прибор, — я недовольно выхватила сканер и швырнула его обратно в ящик, поморщившись от грохота. И выдохнула, осознав, что все это время почти не дышала. — Местным нужна помощь.

Чем я занималась? Я твердила себе, что помогаю людям. Что здесь во мне нуждаются. В Египте было слишком много проблем и слишком мало желающих их решать. На беднейших гражданах наживались все, кому не лень. Да, мои прошлые должности были престижнее и интереснее, но здесь я не сталкивалась с моральными противоречиями и приносила настоящую пользу.

— Тебе бы больше подошла работа в больнице, лаборатории или университете, — похоже, Ана наконец отыскала чай себе по вкусу.

— Так получилось, что высокая должность в Overwatch не особенно украшает мое резюме, — огрызнулась я. Глубокий вдох... Словно и не было всех этих лет, и вот мы снова ожесточенно спорим, как при нашей последней встрече. — Предпочитаю не привлекать внимание. И мне, похоже, это удастся лучше, чем вам.

— Зато мои враги знают, что они у меня на прицеле, — нахмурился Джек.

— Враги? — скептически переспросила я. — Правительство Соединенных Штатов, крупнейший банк Германии, Helix Security... никого не забыла?

— Еще Lumérico, — в голосе этого наглеца слышалось самодовольство.

— И крупнейшая энергетическая компания Мексики. Которой, кстати говоря, управляет невероятно популярный бывший президент и обожаемый герой войны, — вздохнула я. — С такими врагами на восстановление репутации можно не надеяться.

— Сопутствующий ущерб — неотъемлемая часть войны, — буднично протянул Моррисон.

— Ты всегда умел мыслить рационально, — отозвалась я. На его старой должности гибкость мышления была жизненно необходима, но похоже, со временем она перешла в привычку.

— Я почти подобрался к тем, кто в ответе за все. Я близок к правде, — азарт в его голосе граничил с одержимостью.

— Правде... — безразлично повторила я.

— К правде о том, что стало с Overwatch. Правде о «Когте», Швейцарии — обо всем. Это мое новое задание.

— Не такое уж и новое. Просто теперь вы носите маски.

— Чем еще мне, по-твоему, заниматься? — огрызнулся Джек. — Улететь на Гибралтар к Уинстону? Думаешь, те, кто развалил Overwatch, не доберутся и до него?

Уинстон видел, что ситуация в мире ухудшается, и считал, что Overwatch по силам решить все проблемы... но вряд ли задумывался о том, почему организация распалась. Он любил ее, нуждался в ней так сильно, что не замечал, как она покалечила и изменила нас всех. Присутствие Джека и Аны лишь снова напомнило мне об этих ранах. Если мы будем действовать, как и раньше, то просто спровоцируем очередную катастрофу. Это никому не нужно. Уинстон — добрый

малый, но это не значит, что он прав.

— Пускай Уинстон играет в героя, — отрезал Джек, — а я буду делать то, что должен. Рейес, Огундиму, Максимильтен, Виалли, Сомбра, О'Доран... Все они получают по заслугам.

Рейес... От одного его имени по телу пробежали мурашки. Я похоронила их всех: Моррисона, Амари и Рейеса, но их призраки продолжали меня преследовать.

— Джек, мы все в ответе за случившееся. Overwatch больше нет. Твоя месть ничего не изменит.

— Кто-то должен заставить их заплатить. Я добыю справедливости.

— Справедливости, — хмыкнула я. Было видно, что боль терзает Джека изнутри, словно недуг.

— Продолжая в том же духе, ты только докажешь миру, что Overwatch действительно стоило бояться. Жаль, что ты этого не понимаешь.

Когда я впервые зашла в угловой кабинет Моррисона много лет назад, все было совсем иначе. Я была полна восторга и энтузиазма и только покинула пост главы хирургического отделения в университетской больнице Цюриха. Сначала мне показалось, что я попала в музей: стены были увешаны фотографиями Моррисона с главами государств, снимками штурмовых отрядов и памятными армейскими вещичками. Отдельную полку занимали книги: у стены аккуратно выстроились многотомные исторические произведения, в том числе обернутое в кожу старинное издание «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида. На небольшом столике расположилась книга Бобби Фишера «Мои 60 памятных партий» и шахматная доска: судя по положению фигур, партия была в самом разгаре. А за массивным столом восседал сам Джек Моррисон.

— Я видел вашу работу. Блестяще. Вы подали мне отличную идею.

Речь шла о моей недавней статье, посвященной нанохирургии. Я была убеждена, что могу совершить переворот в медицине, изменить работу врачей не только внутри больницы, но и во всей структуре здравоохранения. Ждать воплощения моих идей обычными способами было слишком долго, но я верила, что в Overwatch я смогу реализовать их быстрее всего.

— Вы ознакомились с моей работой? — мне было сложно представить, что Моррисон прочел исследование с уйма узкоспециальных подробностей, которые с трудом поняли бы даже дипломированные медики.

— Думаю, я уловил суть, — усмехнулся Джек.

Я не стала смущать его дальнейшими расспросами: все-таки он собирался дать моей работе «зеленый свет».

— Стараюсь писать аннотации доступным языком, — улынулась я.

— Ангела, я предлагаю вам возглавить отдел медицинских разработок Overwatch. С нашими ресурсами вы сможете продолжить работу над технологией нанохирургии. Только представьте, чего вы можете добиться. Вы продлите жизнь всему населению Земли.

О, это я представляла, как никто другой. Кое-какие разработки в сфере искусственного интеллекта и внушительные производственные мощности позволили бы распространить технологию по всей планете. Медицина стала бы доступнее, и, возможно, люди могли бы быстрее получать помощь. Здравоохранение открыло бы новые горизонты... И Моррисон обещал, что так и случится.

— Деньги, ресурсы, кадры. Понимаю, вы предпочитаете вести дела по-своему, и у вас будет такая возможность. Только вы будете отдавать приказы и устанавливать правила.

— Мне бы не помешал хороший помощник-ученый, — ответила я. — У вас, случайно, нет никого на примете?

— Что-нибудь придумаем. У нас кого только нет, вы удивитесь, — проговорил Моррисон, рассматривая через окно двор, где стройными рядами вышагивали миротворцы в синей броне. — У меня предостаточно солдат. Мне нужны мыслители, мечтатели. Те, кто хочет изменить мир к лучшему. Возможно, вы на грани открытия, которое повлияет на жизнь всех людей планеты. Я хочу помочь осуществить ваши планы, убрать преграды, чтобы ничто не отвлекало вас от работы.

Это была потрясающая, лучшая в мире перспектива. Однако всегда, когда мне делают столь заманчивые предложения, в голове раздается знакомый голос. «All tår inte guld som glimmar» — одна из любимых поговорок Торбьорна. «Не все то золото, что блестит». Я всегда сомневалась во всем. Эта привычка была у меня еще с детства, но образование и, возможно, общение с Торбьорном только закрепили ее. В целом она мне помогала, особенно в научных исследованиях, но из-за нее же я казалась людям холодной и колкой.

— Это невероятно щедрое предложение. Но у меня есть некоторые условия.

— Какие же?

— Я хочу сосредоточиться на мирном и гражданском применении своей разработки. Я не собираюсь создавать орудия убийства для агентов Overwatch.

— Восстание машин закончилось более десяти лет назад, — Моррисон сложил пальцы домиком. — Overwatch создали, чтобы победить в той войне, но сейчас у меня новое задание: изменить мир к лучшему. Мы спонсируем исследования в сферах биологии, химии, инфраструктуры, климатологии — все, что может повысить качество жизни. Я хочу, чтобы вы помогли нам. Ваша работа может стать крупнейшим открытием со времен создания омников.

Уставная стрижка Моррисона, его медали и рекомендации — все в нем выдавало военного, даже осанка. Я почти могла разглядеть приводившие его в движение ниточки, прочно приросшие к телу за годы службы. Он искренне верил в полученные приказы, а для солдата это настоящий дар. У меня был шанс по-настоящему изменить мир — разве я не была обязана сделать ради этого все, что в моих силах? На тот момент я уже давно знала Моррисона: он совершил немало добрых дел, на него работали хорошие люди, которые им неподдельно восхищались. Я не сомневалась, что он искренне верит в сказанное. Более того, я сама хотела верить его словам.

— Мы давно знакомы, Ангела, и я знаю ваши принципы. Вы окажете нам честь своим участием, — проговорил Моррисон. — Подумайте: вам больше не придется выпрашивать гранты и новое оборудование. Даю слово, вы получите все, что только потребуется.

— И помощников тоже? — улыбнулась я.

— Сколько угодно.

Я уснула, сидя за столом. Разбудил меня отдаленный взрыв, похожий на вздох самой земли. От ударных волн задребезжали стекла. Лампы неуверенно замерцали. Я услышала далекие раскаты грома, но любой, кто пережил войну, умеет отличить звуки непогоды от звуков сражения. Я быстро оделась: проведя в Каире столько времени, я знала, что последует за этим рокотом. Нужно готовиться к приему пациентов.

В темном дверном проеме показались призрачные фигуры Моррисона и Аны. Знакомые лица скрылись под масками, с которых на меня бесстрастно взирали светящаяся красная полоса и синий треугольник.

— Что происходит? — спросила я.

— На комплекс в храме Анубиса напали. Надо идти, сейчас же, — какой-то механизм в маске искажал голос Моррисона, лишая его последних остатков человечности.

— Helix разберется. Зачем зря лезть под пули?

— Там «Коготь», — этот тон был мне знаком. Переубедить Джека было невозможно.

— Ангела, под перекрестный огонь попали мирные жители. Helix не сумеют им помочь, — перебила меня Ана. — Ты с нами?

Я лучше всех знала, как в Каире разбираются с экстренными ситуациями. Ущерб после прошлой атаки был колоссальным, и многие разрушения все еще не устранили. Мои лагеря до сих пор полнились ранеными и беженцами. Helix считались миротворцами, но как по мне, они были немногим лучше наемников. Им платили за защиту интересов государства, а не простых граждан — неудивительно, что такая организация вытеснила Overwatch. Но я должна была остаться в лагере, привести все в порядок и подготовиться к потоку людей. Я знала, что должна делать.

— Да, иду.

Костюм «Валькирия» хранился в отдельном крупном контейнере. Биометрические замки открылись с приятным щелчком, и я окинула взглядом детали костюма: нагрудник, визор для связи и сканирования, биотические заряды, систему передвижения и посох. Каждый элемент покоился в своем гнездышке из вспененного материала для защиты во время перевозки. Давно уже покоился. Доставая белый нагрудник, я нащупывала царапины и сколы, оставшиеся после опасных вылазок на поля битв. Я защелкнула застежки, костюм активировался и плотно охватил тело. Взяла посох с вмятинами от моих пальцев на рукояти: настолько сильно я сжимала его в отчаянные минуты. Остался головной модуль обработки данных — нервная система всего костюма, снабжавшая меня нужной информацией.

Костюм все еще хорошо сидел, но я отвыкла от его тяжести.

Некоторые вещи видны только из поднебесья. Все члены ударного отряда это знают: Лена была пилотом, а Уинстон вообще прилетел с Луны на космическом корабле. Космонавты часто говорят, что вид Земли из космоса перевернул их представление о жизни, но никто из них не летал так, как я.

Подо мной до самого горизонта раскинулся некогда зеленый Каир, за десятилетие невзгод утративший яркие краски. Вдоль Нила выстроились новые аграрные комплексы, понемногу возвращавшие реку к жизни. Берега были усеяны солнечными панелями и батареями, в которых накопилось столько энергии, что страна просто не знала, куда ее деть. Цивилизация всегда процветала у этих вод, и даже я не верила, что упадок затянется навечно. Над городом возвышались его вечные стражи — пирамиды.

А в тени пирамид полыхала битва.

Мы добрались до места сражения. Бойцы Helix Security остервенело бились с отрядами «Когтя», чьи черно-красные десантные корабли хищно парили в небе. Где-то вверху проносились бойцы в костюмах R ptor. За них я не беспокоилась: им окажут помощь медики организации, но меня корбило от вида разрушений, причиненных их ракетами.

Подо мной по тенистым улочкам тихо пробирались два старых вояки. Удивительно, но Моррисона в его яркой красно-синей куртке было сложно заметить. Раньше он никогда не прибегал к таким уловкам, и наблюдать за его скрытными действиями было непривычно. Пожалуй, я бы и вовсе его не заметила, если бы не сканеры «Валькирии».

Впрочем, мне обычно некогда наблюдать за ходом битвы. Наступательные маневры, смена позиций и тактика мне безразличны: пусть этим занимаются другие. Моя задача — спасать людей. Гражданские пытались покинуть опасную зону. Экран был сплошь усеян их сигналами, и в этом хаосе надо было как-то разобраться. Я отключила связь с Джеком и Анной, вступившими в перестрелку с «Когтем».

Я не собиралась становиться Ангелом, но мне пришлось принять эту роль. «Валькирия» должна была продемонстрировать мою технологию в работе — и только, но я знала, как меня воспринимали остальные. Знала, что мое присутствие на поле боя успокаивало боевых товарищей. Так потихоньку исчезла доктор Циглер, а ее место заняла Ангел.

Моррисон самозабвенно ринулся в бой, Ана тем временем прикрывала его с возвышенности. Солдаты «Когтя» в красно-белых масках напывали со всех сторон, оттесняя бойцов Helix в синей броне. Вдруг шум стрельбы прервала череда взрывов, и мой взгляд притянуло темное, чернее самой ночи, пятно. Мгновение спустя оно превратилось в мрачную фигуру, разразившуюся шквалом выстрелов. Старые вояки бросились в укрытие, и я потеряла их из вида.

— Что это? — выдохнула я.

— *Габриэль.*

Свирепый голос Джека заставил меня поморщиться. В голове роились десятки вопросов, но сейчас мне было не до них.

— Забудь о нем, Моррисон. Наша задача — спасать людей.

— Твоя задача, доктор. А наша задача — он, — на этом связь оборвалась.

Я проследила, как эти двое скрылись в удушающем дыму: Моррисон, рвущийся вперед, и Ана, осторожно прикрывающая его сзади.

Но Джек был прав: мне не стоило о них беспокоиться. У меня было свое дело.

«Коготь» не заботили жизни невинных и гражданских, как и порча имущества — впрочем, наемники Helix Security были немногим лучше. Ракеты рассекали воздух, здания рушились. Люди в ужасе бежали из зоны боевых действий.

Интерфейс указывал, что прямо подо мной были выжившие, но разглядеть что-либо было невозможно.

Доверившись прибору, я устремилась вниз сквозь плотные клубы дыма. Копоть жгла глаза, но постепенно контактные линзы начали ее фильтровать. Наконец среди дыма и пыли мелькнуло светлое пятно. Используя систему маневрирования «Валькирии», я стремительно направилась вниз, мысленно зафиксировав эту точку. Непроглядный дым немного рассеялся, и я снова заметила силуэт: это была темноволосая девочка в белой футболке. Сколько я видела таких детей... Где бы я ни оказалась, битвы всегда шли одинаково: солдаты сражались, чтобы выжить, победить и прославиться, и их тяжелые ботинки при этом растапывали судьбы невинных гражданских.

При виде меня девочка замахала руками, отчаянно пытаясь привлечь внимание. Я резко приземлилась на груды обломков — все, что осталось от верхних этажей здания.

— Не двигайся, — сказала я. — Нога застряла?

Девочка кивнула. Она явно выбилась из сил и смирилась с неизбежной гибелью. В ее взгляде сквозило отчаяние.

В детстве я постоянно наблюдала такие сцены, и каждый раз они причиняли мне боль. Родные теряли друг друга в попытке покинуть зоны сражений. Целые кварталы рушились во время внезапных ночных атак. Над головой не было луны и звезд — только зловещие красные огоньки и силуэты, казавшиеся темнее самого ночного неба, но даже их быстро рассеивали слепящие вспышки взрывов. Времени на эвакуацию не было, и людям приходилось искать хоть какие-то укрытия. Взрывы лишали их слуха. Дым — голоса. Страх — рассудка.

— Мне нужно убрать эти обломки, хорошо? Подожди совсем чуть-чуть, — я изо всех сил старалась ободрить девочку.

Она снова кивнула, не отрывая от меня испуганного взгляда.

Я принялась разгребать куски бетона, придавившие девочку. Да, сейчас мне бы не помешала помощь. Уинстон, Райнхардт, Соджорн или Гэндзи справились бы с этой задачей безупречно. Я вспомнила, как после чудовищной бури в Венесуэле мы доставали людей из-под завалов. Без усиливающих механизмов «Валькирии» это было бы мне не по силам.

— Вы... — заговорила девочка, кажется, узнав меня. Она шевельнулась, и я положила руку ей на плечо, чтобы не допустить резких движений. Волнение и адреналин ей были совсем ни к чему.

— Хочу тебе помочь, — договорила я за нее и с кряхтением оттащила в сторону еще один обломок стены. — Вот бы сюда Райнхардта.

— А кто это?

— Мой друг, — объяснила я. — Он большой и сильный. И все время болтает.

Когда я убрала последний, особенно тяжелый кусок бетона, мои крылья вспыхнули от напряжения. Я помогла девочке подняться. Слезы прочертили дорожки на ее испачканном сажей лице.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Ханан, — робко отозвалась она.

— Давай я тебя просканирую, — предложила я.

Ханан неуверенно промолчала, но застыла, словно изваяние, когда ее окатила голубая волна из портативного модуля «Валькирии». Кости были целы. Похоже, девочка отделалась царапинами и ссадинами. Некоторые из них кровоточили, но справиться с этим не составляло труда.

Я взяла в руки посох и опустилась рядом с Ханан. После активации биопотока посох выпустил золотистое сияние, которое окутало девочку, словно теплый солнечный свет. Светящиеся частицы мерцали, опускаясь на ее кожу. Глаза Ханан загорелись от восторга, но тут же она вздрогнула, словно поднесла руку слишком близко к огню.

— Может немножко жечь, — предупредила я. — Скажи, если будет слишком горячо.

Ханан кивнула, заворожено следя за тем, как затягиваются ее ранки.

— Словно волшебство... — прошептала она.

— Просто наука, — улыбнулась я ей. — Это куда лучше волшебства. Ты знаешь, что такое нанохирургия?

— Этим занимаются... такие маленькие машины? — она шевельнула руками, словно разгоняя стайку мушек.

— Не совсем, — я ощутила укол разочарования, осознав, что люди ничего не знают о технологии, способной коренным образом преобразить медицину. Но сейчас куда важнее другое. — Я потом тебе объясню. Давай сначала уйдем в безопасное место.

— Нет! — воскликнула Ханан. — Мой брат остался внутри. Мы должны ему помочь! Остальные ушли, никто не стал его ждать.

На улицах до сих пор раздавались выстрелы. Громоподобные залпы перемежались с обрывочным тарханием автоматов. Здесь нельзя было оставаться: я не хотела подвергать Ханан еще большей опасности.

— Пожалуйста...

Но и оставить ее брата я тоже не могла. Я попыталась найти его при помощи сканера «Валькирии», но кругом было слишком много помех.

— Здесь оставаться нельзя. Тебе придется пойти со мной.

Ханан кивнула. В наше здание попало уже несколько снарядов. Я протиснулась через проход, и мы пошли вниз по лестнице. Дыма становилось больше, и я оторвала от юбки кусок ткани, чтобы соорудить для Ханан маску. По освещенным мерцающими огнями проходам разносился рев сирен. Мы вышли в коридор. Пол под ногами задрожал, но мы продолжили идти, и сканер наконец засек сигнал: живой человек был прямо за массивной дверью. Просунув руку в проем, я открыла ее пошире.

На полу комнаты сидел мальчик постарше — сгорбленная фигурка в красной рубашке и желтом платке. Неестественно выгнутая рука, вероятно, была сломана. Похоже, он то и дело терял сознание.

— Ханан, это ты? — спросил он, услышав звук шагов. У него не получалось сфокусироваться, и взгляд был устремлен куда-то в потолок.

Девочка обогнала меня и кинулась к брату, сдерживая всхлипы. Она боялась худшего.

— Да, да, это я! Я привела помощь!

— Верно, — я опустилась на колени рядом с детьми. — Мы тебя отсюда вытащим.

Я опасалась, что у мальчика может начаться шок: надо немного подлатать его, прежде чем куда-то перемещать. Биопоток, залечивший ссадины Ханан, должен был помочь и в этот раз. Мгновение спустя легкое золотое мерцание окружило мальчика, постепенно скапливаясь на грудной клетке, и вскоре его дыхание выровнялось. Я повернулась к Ханан:

— Вот так. Мы вытащим твоего брата отсюда.

Девочка кивнула. Ее брат смотрел на меня круглыми от ужаса глазами.

— Как ты себя чувствуешь? — запустив акустическое сканирование «Валькирии», я старалась отвлечь ребенка разговором, чтобы он не задумывался о своем состоянии.

— Все болит, — мальчик закашлялся.

Он взглянул на меня, и тут его глаза расширились от удивления:

— Вы Ангел. Я видел вас на фотографиях.

— Правильно, — сейчас это имя меня не раздражало: в такие моменты Ангел была полезна, она отвлекала внимание мальчика. — Не бойся, я помогу тебе выбраться.

— Моим родителям вы не нравитесь, — смущенно пробормотал он.

— Может, замолвишь за меня словечко, когда вы снова встретитесь? — улыбнулась я.

Паренек изменился в лице, будто испугался, что обидел меня.

— Конечно! — выпалил он и кивнул, но даже столь малое усилие вызвало новый приступ боли.

— Послушай, нам надо покинуть здание. Ты сможешь идти?

— Не знаю, наверное...

— Ничего, все в порядке. Не нужно торопиться. Мы с Ханан тебе поможем.

В это мгновение раздался знакомый звук летящего снаряда.

— ЛОЖИСЬ! — прокричала я, схватив Ханан и ринувшись к ее брату. Я наклонилась над детьми, изо всех сил стараясь заслонить их своим телом и крыльями «Валькирии». В следующий миг стена разлетелась на куски, и на мою броню обрушился град стекла и бетона.

Потолок обвалился, словно молотом прибывая меня к земле. Я пошатнулась, но защитные системы костюма поглотили основной удар. Когда град обломков наконец закончился, я распрямилась, мысленно поблагодарив Торбьорна за то, что сделал костюм попрочнее.

— Все целы?

Ответа не последовало, и я принялась оценивать ситуацию самостоятельно. Мой интерфейс не работал. Раздался скрип и потрескивание одного из крыльев — похоже, оно было сломано. Я чувствовала себя раздавленной, ощущала, как начинает подкрадываться усталость. Ханан испуганно смотрела на меня, сжавшись в комок. Ее брат не двигался, потеряв сознание из-за ударной волны. Разобрать, что творится снаружи, не представлялось возможным. Системы «Валькирии» отключились. Несмотря на все усилия, мы оказались в ловушке.

Меня прошиб холодный пот. Казалось, что стены надвигаются все ближе. Это ли чувствовали мама и папа в свои последние секунды? Были они рядом? Знали, что с ними станет? Надеюсь, что нет... так им было бы легче. Все здание стонало, словно в предсмертной агонии: медлить было нельзя. Здесь нам угрожал пожар. Удушье. Завал. Очередной взрыв.

Был только один способ выбраться.

Я закрепила посох за спиной, взяла мальчика на руки и медленно пошла к выходу.

— Идем, Ханан. Осторожнее, — я вела ее по коридорам, помогая перебираться через провалы в полу. Наконец мы почти добрались до парадного входа, но в ту же секунду дом содрогнулся от очередной череды взрывов. Послышался

нарастающий скрежет стен.

— Беги! Беги к выходу! — крикнула я Ханан.

Здание вот-вот должно было рухнуть.

Я бежала с братом Ханан на руках, ощущая смутную вину за то, что даже не узнала его имени. Бежала, перепрыгивая через завалы и трещины, но понимала, что не успею выбраться. Стена, здание, мир — все кругом рушилось. Мой разум лихорадочно пытался найти хоть какой-то путь к спасению, но тщетно. Когда сложных решений нет, остаются простые. Все, что я могла сделать — попытаться спасти тех, кто рядом со мной.

Я заслонила мальчика своим телом как раз перед тем, как здание рухнуло. Громоздкие обломки застучали о спину, вдавливая меня в землю...

И мир накрыла тьма.

Я очнулась, услышав, как кто-то меня окликает. Неподъемная тяжесть, похоже, куда-то пропала. Подо мной лежал брат Ханан... Как же его зовут? Системы «Валькирии» утверждали, что он в порядке. Насколько это было возможно.

— Ханан? — растерянно окликнула я девочку, но мне никто не ответил.

Я медленно встала на ноги, кашляя и чувствуя, как со спины сыпаются обломки. Чья-то сильная рука помогла мне подняться. Моррисон. Без маски он снова стал похож на человека. Части лица, которые маска не закрывала, были перепачканы в пыли и копоти, а в куртке, похоже, появилось еще несколько дыр.

— Пора уходить, Ангела, — сказал он.

— Девочка... — пробормотала я сквозь приступы кашля.

— Она со мной, — из-за дымки раздался голос Аны: она осматривала местность, ловкая и настороженная, словно кошка. — Уходим.

Остаток дня прошел в туманной суматохе: я принимала нескончаемый поток пострадавших в перестрелке, среди которых в том числе были полицейские, агенты Helix и сотрудники служб экстренного реагирования. Врачей, коек и времени не хватало. К концу дня я так вымоталась, что оставалась на ногах исключительно благодаря кофе.

Солнце ушло за горизонт, и в лагере стало по-вечернему прохладно, когда я наконец смогла взять перерыв. Джек и Ана пришли меня навестить. Уже без масок, но я все еще отчетливо помнила их скрытые лица.

— Куда теперь? — спросила я при виде объемистых сумок с вещами.

— Здесь был Габриэль. Мы за ним, — ответил Джек.

У меня даже не было времени обдумать увиденное на поле боя, как и понять, что все это означало.

— Он жив? — спросила я, но тут же поняла нелепость своего вопроса. И поморщилась. В тот день было уже достаточно смертей.

— Старых вояк непросто убить, — вздохнул Джек. — Габриэль возглавлял атаку. Нужно выследить его, пока след не остыл. Похоже, он двинулся куда-то в Европу. Мы все туда направлялись, но сделали крюк через Каир. Может, встретим еще кого из старых друзей.

— Что ж, удачи. Надеюсь, вы найдете... то, что ищете.

— Может, присоединишься? Твоя помощь была бы кстати, — по голосу было слышно, что Моррисон и не

надеется мое согласие.

— Я не могу остаться ни здесь, ни с вами, — я покачала головой. — Наши пути разошлись.

— Поживем — увидим, — кивнул в ответ Моррисон. — Удачи тебе, Ангела. И спасибо за аптечки!

Джек широко ухмыльнулся, шутливо отсалютовал и пошел прочь, забросив сумку на плечо. Ана задержалась, и какое-то время мы смотрели ему вслед.

— Все мы сражаемся на одной и той же войне, — наконец проговорила она, положив руку мне на плечо.

— Наши войны всегда были разными, Ана. Я вообще не люблю битвы.

— Может и так, но мы все равно сражаемся. Джек уже не тот идеалист, каким был когда-то, но упрямства не растерял, — Ана вздохнула. — Чем больше мы теряем, тем сильнее цепляемся за утраченное.

— Невозможно бороться с прошлым. Ему ли не знать.

— Джек всегда найдет соперника. Он не может жить без борьбы, — Ана прищурилась. — Наша война окончена.

Но каждое поколение ведет свою. Мы сражаемся ради своих близких, денег, королей и стран, ради справедливости, ради того, во что верим. И не всегда эти битвы идут на полях боя. Одни войны тянутся десятилетиями, но наша завершилась в мгновение ока. Габриэль собрал нас, чтобы спасти человечество, но после не сумел перестроиться. Адаве и остальные считали, что Моррисон сможет все изменить. На первый взгляд он прекрасно подходил для этой задачи. Герой войны, добросердечный и отважный, уверенный и расчетливый. Но все-таки он солдат, а солдатам неведомы другие пути. Мы умеем только спасать мир, а не преобразять его.

— Как раз для этого были нужны все остальные.

Ана печально кивнула.

— Мы не способны оставить борьбу и передать ее потомкам. Мы не созданы для мирного времени. После этого, — Ана указала на глазную повязку, — я думала, что тихо уйду в отставку. Но не тут-то было. Ты, Лена, Соджорн и остальные — вы видите мир по-другому. Кажется, я начинаю это понимать. Все, чего я хотела — просто вдохновить тех, кто захочет пойти нашим путем.

— Почему бы не вернуться к Уинстону? Мечь Джека — не твоя забота.

— Идеализм — удел молодых, Ангела. Постарайся не судить нас слишком строго. Когда все вокруг считают тебя героем, становится слишком трудно снять развевающийся плащ, — Ана грустно улыбнулась.

Мне было нечего ответить. В конце концов она мягко похлопала меня по плечу и тоже скрылась, растворившись в тенях.

В моей жизни было много расставаний, но я так и не научилась прощаться. Чаще всего расставания были тихими и бессловесными — именно они потом мучили меня больше всего. Вот и тогда, когда мне выпал второй шанс, я так и не придумала, что сказать старым товарищам. Когда-то я уже простилась с ними, стоя над их могилами, и то прощание казалось более реальным. Я сомневалась, что мы увидимся снова.

— Отличная работа, Ангел, — заявил Махмуд, когда я вошла в просторную палатку, где мы устроили импровизированную стойку регистрации. Он был так занят, что даже не отвел глаз от экрана, продолжая быстро печатать.

— Давай без этого, — укоризненно ответила я.

— Простите, — похоже, Махмуда удалось капельку пристыдить, хотя дурацкая ухмылка с его лица так и не сошла. — Знаете, я давно ждал возможности так вас назвать.

— Надеюсь, теперь ты доволен, — вздохнула я. — Как там дети, которых я привела?

Махмуд напечатал еще пару слов.

— За ними пока не пришли.

— Родители знают, что они здесь? — удивленно спросила я, посмотрев на часы. Оказывается, было уже очень поздно, а я и не заметила. — Прошло столько времени.

Судя по виду Махмуда, ему не очень хотелось отвечать на мой вопрос.

Ох...

— Их родители погибли, — наконец сказал он. — Мы пытаемся отыскать ближайших родственников.

Когда-то я была в их положении: маленькая девочка, ожидающая, когда вернется ее мама с папой. До сих пор помню голос полицейского, который рассказал мне о случившемся, но совсем не помню его лицо.

— Доктор Циглер? — раздался голос Махмуда. — С вами все хорошо?

Я поняла, что вытираю слезинку из уголка глаза под очками.

— Просто устала.

— Вы молодец. Отыскали тех детей, вывели их из здания... Без вас они ни за что не выжили бы.

— Кто-то должен был это сделать, — пробормотала я.

Мне стало не хватать воздуха в палатке, я извинилась и вышла наружу.

На пирамиды опускался закат, и в последних лучах пыльного света строгие ряды палаток из белой ткани напоминали мастабы, что каким-то чудом простояли тысячи лет, уцелев под беспощадным солнцем, ветрами и гнетом времени. Египтяне древности, ныне обитавшие в гробницах по соседству, тщетно шли на жертвы в жизни и еще большего лишились после смерти, чтобы приблизиться к вечности. Я наблюдала за Ханан и ее братом. Дети пристроились между двумя палатками: мальчик лежал на куртке, а сестра сидела рядышком и пыталась его подбодрить.

На ум пришли слова Аны. В последние годы я часто думала, что моя война проиграна. Вспоминала себя в тот день, когда впервые оказалась в кабинете Моррисона и решила вступить в Overwatch, и сомневалась, что смогу снова испытать тот душевный подъем. Но я знала: во мне все еще есть запал. Да, после всех битв, сомнений и споров мой былой героизм улетучился. Наверное, тогда мне казалось, что потерянного не воротить, но трудности и потрясения — неотъемлемая часть жизни. Мы должны преодолевать их и двигаться дальше. Порой наша воля угасает, но со временем всегда разгорается вновь. Ханан раскинула руки в стороны, словно крылья, и, глядя на нее, я знала, что это еще не конец. Моя война не проиграна.

Ведь герои не умирают.

BLIZZARD[®]
ENTERTAINMENT